

Шилова Ирина Сергеевна

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ
ТЕХНИЧЕСКОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1930-е ГОДЫ
(по материалам Пермского региона)

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Работа выполнена на кафедре новой и новейшей истории России ФГБОУ ВПО
Пермский государственный педагогический университет

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Суслов Андрей Борисович

Официальные оппоненты: Мотревич Владимир Павлович,
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Уральская государственная
юридическая академия», профессор кафедры
истории государства и права

Быкова Светлана Ивановна,
кандидат исторических наук, доцент,
ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
доцент кафедры евразийских исследований

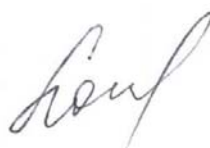
Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Пермский национальный
исследовательский политехнический университет»

Защита состоится «8» июня 2012 г. в 14.00 на заседании диссертационного
совета Д 212.285.16 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.
Ельцина»

Автореферат разослан « » мая 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук,
доцент

Мазур Л.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Для современной России в условиях построения правового государства, создания институтов гражданского общества, налаживания диалога власти и народа, значимой частью которого выступает интеллигенция, весьма актуален вопрос о месте интеллигенции в советском государстве. В постсоветское время, вплоть до наших дней, продолжается переосмысление роли и места интеллигенции в преобразованиях 1920-1930-х гг.

Преследования интеллигенции в СССР, ставшие одной из трагических страниц истории нашей страны, связанных с устранением представителей интеллектуальной элиты из политической, социальной, образовательной, культурной сфер, также остаются объектом пристального внимания общества, генерируют научную и общественную дискуссию. В последние годы проявляются тенденции пересмотра оценок репрессивной политики советского государства, исходящие из весьма противоречивых посылок. Кроме того, всестороннее и объективное изучение проблемы важно для понимания процессов, происходящих в современном обществе. В связи с этим актуализируется задача изучения репрессивной политики советского государства в отношении интеллигенции в 1930-е гг. не только в масштабах страны, но и на региональном уровне.

Интеллигенцию после октябрьской революции оценивали, как социальную группу, оппозиционную большевикам, неспособную перестроить своё мировоззрение и «осознать непобедимость идей социализма». В настоящее время точки зрения по данной проблеме неоднозначны. Несмотря на отказ большинства историков от советских идеологических схем, на появление новых документальных свидетельств, на применение новых методов исследования, еще рано говорить о свершившемся прорыве в изучении советской интеллигенции и устоявшихся оценках.

Степень разработанности проблемы. В советский период историографии репрессивная политика власти по отношению к населению в целом и отдельным категориям граждан не могла стать самостоятельной темой научного исследования. Прежде всего, это связано с тем, что репрессивные меры советского государства были идеологически обоснованы и трактовались как легитимные действия властей. В современных историографических исследованиях, по наблюдению историка А.В. Квакина, рассматривается в основном исключительно постсоветская историография истории интеллигенции¹. В связи с этим встает вопрос разработки периодизации историографии

---

¹ Квакин А. В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа. 1921-1927. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1991. - 120 с.; Он же. Российское государство и российская интеллигенция. Уфа: Восточный университет, 2007. - 168 с.; Современные подходы к изучению истории интеллигенции в России // Московский университет и судьбы российской интеллигенции. Матер. междунар. конф. М., 2004. С. 54 – 68.

репрессивной политики власти в отношении интеллигенции в Пермском регионе в 1928-1930-е гг.

В данном исследовании представляется целесообразной следующая периодизация: в рамках советского периода: середина 1950-х - конец 1960-х гг.; начало 1970 - сер. 1980-х гг.; переходный период: конец 1980-х - начало 1990-х гг.; постсоветский период: 1990-е гг.; современный - с начала 2000-х гг. - по настоящее время. В этом случае учитываются такие параметры, как изменение оценок событий, введение в научный оборот новых исторических источников, расширение проблематики исследования, интенсивность региональных исследований. Соотнесение с этими критериями позволяет увидеть целостность каждого этапа и уникальность его вклада в дело изучения взаимоотношений интеллигенции и власти в Пермском регионе в 1930-е гг.

Вопросы, касающиеся репрессий в стране, до середины 1950-х гг. оставались закрытой темой для исследователей в силу имевшей место политической цензуры¹. Публикации 1930-40-е гг. нельзя отнести к строго историческим изысканиям². В них политическая составляющая преобладала над научной, а исследования носили поверхностный, описательный, пропагандистский характер.

На первом этапе - после смерти И.В. Сталина в 1953 г. и XX съезда КПСС были опубликованы работы, в которых нашли освещение отдельные аспекты проблемы, однако серьезных изменений в теоретико-методологических подходах в этот период не произошло³. Критика сталинизма не приобрела широкого размаха, а была заключена в рамки государственной идеологии. Правда о политических репрессиях была строго дозированной и преподносилась советскому обществу по усмотрению высшего партийного руководства страны.

Репрессивная политика в этот период воспринималась двояко. Репрессии второй половины 1930-х гг. против преданных социализму советских людей - высших партийно-государственных работников, военных, членов партии, представителей советской интеллигенции оценивались негативно. В то время как репрессии против остатков эксплуататорских классов – торговцев, кулаков, дореволюционной технической интеллигенции, ученых, представителей оппозиционных течений в партии, одобрялись и считались закономерными. Вместе с тем, по мнению уральского историка С.А. Федюкина, нельзя исходить

---

¹ Локшин Э.Ю. Партия большевиков в борьбе за индустриализацию СССР. М.: Госполитиздат, 1946. – 116 с.; Ковалев С.М. Интеллигенция в советском государстве: Стеногр. публ. лекции, прочитанной в Круглом зале дома Союзов в Москве. М.: Правда, 1946. - 42 с.; Ситников Г.Г. Урал. Стенография лекций прочитанных в высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1949. - 40 с.; Процько М. О роли интеллигенции в советском обществе. М.: Госполитиздат, 1953. - 54 с.; Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаетова М.Ф. История педагогики. М.: Просвещение, 1982. - 448 с.;

² См., например: Веселов М.О., Преображенский А.И. Сельская школа и культурная революция. М.: Московский рабочий, 1930. - 71 с.; Бурыкин Б.Н. О политической дифференциации среди просвещенцев. М.: Московский рабочий, 1932. - 67 с.; Бейлин А.Е. Кадры специалистов СССР, их формирование и рост. М.: Соцэкгиз, 1935. - 72 с.

³ Ермаков В.Т. К вопросу об освещении истории советской культуры в исторической литературе // Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества / Ред. В.Г. Чуфаров. Свердловск, 1974. С. 50– 61.

из убеждений о том, что вся интеллигенция враждебно встретила социалистическую революцию, а, следовательно, негативно относилась к существующему строю¹.

Анализ литературы первого историографического этапа позволяет сделать вывод, что официальная историческая наука в целом не допускала осмысления противоречий в отношениях власти и интеллигенции.

На втором этапе наметилась тенденция выделения региональной специфики². Историк М.И. Кондрашёва, изучив процесс руководства технической интеллигенцией Урала со стороны партийных организаций в 1920-1930-е гг., отметила наличие в регионе более сильных, чем в целом по стране, «спецеедческих настроений»³. Ученые М.Е. Главацкий и В.Г. Чуфаров подчеркнули активное участие дореволюционной образованной элиты в мероприятиях советской власти»⁴.

В целом, для советского периода характерна идеологизированность в оценках исторических фактов, закрытость темы политических репрессий периода 1930-х гг.⁵. Тем не менее, в советской историографии проделана значительная источниковедческая и историографическая работа, появились обобщающие исследования по данной тематике.

В 1990-е гг. исследования приобрели выраженную междисциплинарную основу, что отразило характер новой области знания — интеллигентоведения. Термин «интеллигентоведение» ввели в научный оборот историки Ивановского государственного университета, где в 1992 г. сложился первый центр изучения места и роли интеллигенции в обществе.

Лидером уральского интеллигентоведения стал руководитель научно-исследовательского Центра «XX век в судьбах интеллигенции России», профессор М.Е. Главацкий. Исследования уральской школы представляют наибольший интерес для данной работы⁶. В рамках интеллигентоведения активно развивалось направление по исследованию «провинциальной интеллигенции».

---

¹ Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М.: Политиздат, 1965. - 370 с.; Он же. Привлечение буржуазной интеллигенции к социалистическому строительству в СССР. М.: Политиздат, 1960. - 471 с.

² Соликамский целлюлозно-бумажный. Пермь: Кн. изд-во, 1961. Тиунов В. Энергетика западного Урала. Пермь: Кн. изд-во, 1968. Николаев С. Чудесные соли. Пермь: Кн. изд-во, 1969. - 78 с.; Терехин А.С. Архитектура и строительство социалистического Прикамья. Пермь: Кн. изд-во, 1970; Афанасьев Б.А. Гудок над Суксун-заводом. Пермь: Кн. изд-во, 1977. - 63 с.; Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь: Кн. изд-во, 1986. - 187 с.

³ Кондрашёва М.И., Главацкий М.Е. Проблемы формирования социалистической интеллигенции в трудах уральских историков // Историография социалистического строительства на Урале в переходный период (1917-1937). Свердловск: Кн. изд-во, 1980. С. 119.

⁴ Главацкий М.Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале. Свердловск: Кн. изд-во, 1974.; Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. Свердловск: Кн. изд-во, 1970. - 269 с.

⁵ Степанов М.Г. Российская историография «большого террора» в СССР (1937-1938 гг.). Абакан: Бригантина, 2008. - 159 с.

⁶ Интеллигенция и власть на пороге XXI века. Тез. докл. регион. науч.-практ. конф. В 3 ч. / Отв. ред. М.Е. Главацкий. Екатеринбург, 1996; Интеллигент в провинции. Тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф.: В 2

В 1990-е гг. наблюдался плюрализм методологических подходов к рассмотрению темы массовых репрессий. Характерными чертами стали освобождение от прежних идеологических клише и расширение источниковой базы. Новой тенденцией в отечественной историографии данной проблемы стала постановка острых тем и представление на суд научной общественности некоторых исторических фактов, ранее в предшествующие периоды не обсуждавшихся.

Значительная часть исследователей концентрировала своё внимание на выявлении негативных моментов взаимоотношений власти и интеллигенции: идеологизации науки, репрессивной политике. При этом в публикациях практически не рассматривались позитивные стороны политики в области науки в конце 1920-х – 1930-е гг. Лишь в последние годы наметилась тенденция к более детальному и объективному изучению проблемы. Начали появляться работы, которые рассматривали взаимоотношения власти и интеллигенции как сложный, разноплановый процесс, включавший не только противостояние, но и конструктивное сотрудничество.

Необходимо обратить внимание на зарубежную историографию. Именно под ее влиянием отечественные авторы стали уделять больше внимания изучению социальной истории, вопросам взаимоотношений власти и общества.

Изучение проблем политических репрессий в СССР зарубежными исследователями активизируется в 1950-е гг. В этот период доминирующей в советологии становится тоталитарная концепция¹. В 1990-е гг. на русский язык были переведены работы зарубежных авторов по истории советской науки, в которых рассматривались отдельные категории интеллигенции и советского общества 1930-х гг.²

По мнению американского исследователя Венди З. Голдман советский обыватель не мог понять, на основании каких критериев граждане становились «вредителями», «врагами народа» и подвергались арестам³.

вып./Отв. ред. М.Е. Главацкий. Екатеринбург, 1997; Интеллигенция России в истории XX в.: неоконченные споры: К 90-летию сб. «Вехи». Тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. / Отв. ред. М.Е. Главацкий, С.П. Постников. Екатеринбург, 1998; Интеллигенция России в XX веке и проблема выбора. Материалы кругл. стола Всерос. науч. конф. «Интеллигенция России и история XX века: неоконченные споры», посвящ. 90-летию сб. «Вехи» / Под ред. М.И. Кондрашёвой. Екатеринбург, 1999.

¹ Friedrich C.J., Brzezinski Z.K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge: MA, 1956; Conquest R. The Nation Killers: Soviet Deportation of Nationalities. Londres: Macmillan, 1970. – 227 p.; Ulam A.B. Stalin: The Man and His Era. Boston: Beacon Press, 1989. – 218 p.

² Джоравски Д. Сталинский менталитет и научное знание // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара: Дэвид-Фокс, 2001. – с. 453; Байрау Д. Интеллигенция и власть: советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2. С. 122-134; Холмс Л. Социальная история России: 1917-1941. Ростов н/Д.: н/д, 1994. – 140 с. и др.

³ Венди З. Голдман Террор и демократия в эпоху Сталина: Социальная динамика репрессий / Пер. с англ. Л.Е. Сидиковой. М.: РОССПЭН, 2010. – 335 с.

В современных отечественных исследованиях содержится анализ не только отечественной, но и зарубежной историографии, учитываются достижения иностранных исследователей¹. Это свидетельствует о том, что постепенно стираются различия отечественной и зарубежной исторической науки.

Причем, если в исследованиях 1990-х гг. прослеживалось негативное отношение к сталинскому режиму, осуждение политических репрессий, то в настоящее время ряд ученых произвели переоценку взглядов. Исследователи В.В. Карпов, Б.Г. Соловьев, В.В. Суходеев и другие, положительно оценивают репрессии довоенного периода в СССР².

Заметим, что объектом изучения авторов, позитивно оценивающих советскую репрессивную политику, стали известные политические и партийные деятели, в то время как подавляющие число репрессированных составили рядовые граждане.

В современной историографии уральского региона довольно полно представлены исследования по истории высшей школы Урала 1930-х гг. в целом и истории отдельных образовательных учреждений. Менее обширно освещена деятельность высших учебных заведений Пермского региона³.

Исследователи проанализировали репрессивную политику советского государства, направленную против отдельных профессиональных категорий граждан. В большей степени изучены репрессии в отношении технической интеллигенции. Советские инженерно-технические кадры, в том числе Пермского региона, стали предметом изучения таких ученых, как Л.М. Батенёв, М.Н. Гусарова, И.К. Плотникова, О.В. Шер и др.⁴ Региональная специфика репрессивной политики в отношении интеллигенции отражена в трудах историков О.Л. Лейбовича, Л.А. Обухова, О.В. Топорковой, А.В. Шилова, архивиста Г.Ф. Станковской и др.⁵. Региональный аспект историографии

---

¹ Кириллов В.М. Историография истории репрессий в СССР и на Урале (1918-1990 гг.) // Власть и общество. Нижний Тагил, 1996. С. 67-85.

² Жухрай В.Н. Сталин: правда и ложь. М.: Сварогъ, 1996. - 352 с.; Карпов В.В. Генералиссимус: Историко-док. изд. В 2-х кн. Калининград: ФГУИПП «Янтар. сказ», 2002. - 528 с.; Суходеев В.В., Соловьев Б.Г. Полководец Сталин. М.: Эксмо, 1999. - 172 с.

³ Биографический словарь профессоров и преподавателей Пермского государственного педагогического университета: справ. / Гл. ред. И.С. Капцугович. Пермь: ПГПУ, 2001. - 416 с.; Капцугович И.С. Пермский педагогический в судьбах людей. Документально-публицистический очерк. Книга первая. Пермь: Книжный мир, 2006. - 373 с.; Костицын В.И. Пермский университет: 100-летие ученых, государственные памятники истории и культуры. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003. - 67 с.

⁴ Батенёв Л.М. История горного Урала. 1901-1940 гг. Екатеринбург: Изд. УГГУ, 2009. - 208 с. Гусарова М.Н. Исторический опыт формирования инженерно-технической интеллигенции в отечественной высшей школе в 30-40-е гг. 20 в. // Власть. 2010. № 4. С. 169-173; Плотникова И.К. Судьбы технической интеллигенции в период тоталитаризма: Степан Павлович Соляков (1911—1978) // Астафьевские чтения. Пермь, 2004. Вып. 2. С. 201—204; Шер О.В. Отношения власти и технической интеллигенции в процессе проведения кампаний по мобилизации специалистов в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Вестник НГУ. 2008. Сер.: История, филология. Т. 7. Вып. 1. С. 160—164.

⁵ Обухов Л.А. Репрессии в отношении профессорско-преподавательского состава университета в 30-е годы // Университетское образование и регионы. Тез. докл. Междунар. науч.-метод. конф. Ч.6. Пермь, 2001. С. 127-129; Он же. Прикамье: хроника политических репрессий и ГУЛАГа // Вестник Пермского университета, 2002. История. Вып. 3. С. 45-49; Он же. Власть и профессура (из истории Пермского университета 1917-1931 гг.)//

Большого террора освещен в коллективной монографии «Сталинизм в советской провинции: 1937 - 1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447», основанной на неизданных ранее архивных документах. В рамках работы наибольший интерес представляют исследования: историка А.С. Кимерлинг, посвященное репрессиям против служащих, а также ученых А.А. Колдушко, А.В. Чашухина о роли партийных и советских органов в осуществлении репрессий¹.

Ряд статей, основанных на региональном материале, были опубликованы в журнале «Ретроспектива»².

Таким образом, в отечественной и зарубежной историографии представлен ценный исследовательский опыт в решении целого комплекса проблем, связанных репрессивной политикой партии и государства в отношении интеллигенции, месте интеллигенции в советском обществе в конце 1920-х – 1930-е гг. Однако в региональной историографии внимание концентрировалось лишь на отдельных аспектах проблемы. Обобщающих, комплексных работ до сих пор не было проведено, что и обусловило выбор темы исследования.

Объектом исследования является репрессивная политика советской власти в отношении интеллигенции в СССР.

Предмет исследования – реализация репрессивной политики советского государства в отношении технической и педагогической интеллигенции в Пермском регионе в 1930-е годы.

Хронологические рамки исследования – конец 1920-х гг. - конец 1930-х гг. Нижняя временная граница определяется окончанием новой экономической политики, ростом партийно-государственного диктата, началом нового этапа репрессивной политики. Верхняя временная граница обусловлена завершением большого террора в стране.

Территориальные рамки в целом соответствуют современной территории Пермского края³.

Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. № 2-16. С. 148-164; Шилов А.В. Александр Петрович Дьяконов – ученый и педагог // Время и судьбы людей. Матер. науч.-практич. конф. Пермь, 1999. С. 170-174; Станковская Г.Ф. Учитель и время. Иван Михайлович Захаров // Филолог. № 4. 2004. С. 94–102; Она же. «Большой террор» и интеллигенция // Матер. науч.-практич. конф. толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции. Пермь, 2002. С. 112-116; Топоркова О.В. (Пропп) Еще раз о конформизме интеллигенции// Интеллигенция России и Запада в XX-XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития. Мат. науч. конф. Екатеринбург: УрГУ, 2004.

¹ См.: Сталинизм в советской провинции: 1937 - 1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2009. - 927 с.

² Колдушко А. «Контрреволюционер» Голышев // Ретроспектива. № 3. 2007. С. 33-39; Колдушко А., Лейбович Л. А жертвы кто? Культурные практики местной номенклатура до большого террора// Ретроспектива. № 1. 2008. С. 15-24; Чернышев А. "Спецпереселенец" Баглай: как это могло случиться?// Ретроспектива. № 1. 2008. С. 50-54; Шилов В. «Республика химии» за колючей проволокой// Ретроспектива. № 1. 2008. С. 44-49.

³ Обозначение «Пермский край» в изучаемый период – понятие условное, поскольку единого административно-территориального образования под таким названием в 1930-е гг. не существовало. 3 ноября 1923 г. была создана Уральская область. г. Пермь стал окружным центром в составе Уральской области. 17 января 1934 г. Уральская область разделена на Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую. Пермский район вошел

Цель исследования – проанализировать репрессивную политику советской власти в отношении технической и педагогической интеллигенции в 1930-е гг. на примере Пермского региона.

Достижению цели будет способствовать **решение следующих задач**:

- проанализировать методы проведения репрессивной политики власти по отношению к технической и педагогической интеллигенции;
- рассмотреть подходы власти к формированию новой интеллигенции;
- изучить репрессивную политику власти по отношению к инженерно-техническим кадрам;
- выявить особенности репрессий в высшей школе региона;
- исследовать репрессии против педагогической интеллигенции;
- проанализировать эволюцию репрессий на протяжении рассматриваемого периода.

В основу методологии исследования положена концепция социальной истории. При определении методологического подхода отправной точкой стало заключение американского историка М. Малиа о том, что интеллигенцию необходимо рассматривать как предмет социальной истории¹.

В рамках работы, под социальной историей следует понимать, в соответствии с терминологией Ю. Кокка, историю социальных общностей (сословий, классов, групп), их положение и состав, позиции, поведение; социальные отношения - условия труда, социальные конфликты; процессы урбанизации, социальные предпосылки и последствия политических, культурных, экономических явлений в их связи с хозяйственной, политической и культурной историей².

В диссертационном исследовании в качестве социальных общностей выступают категории интеллигенции - техническая и педагогическая, а репрессии рассматриваются как последствия политических, экономических и культурных явлений.

Современные отечественные социальные историки подчеркивают, что изучение советской периода, особенно 1920-1930-х гг., невозможно без понимания роли общества. Советское общество как один из факторов, оказало определенное влияние на государство, властные структуры и особенности

в состав Свердловской. 3 октября 1938 г. был принят Указ Верховного Совета СССР «О разделении Свердловской области РСФСР на Пермскую и Свердловскую». В состав Пермской вошли 12 городов, 32 района, Коми-Пермяцкий национальный округ и 24 рабочих поселка. Тем не менее, возможно выделить Пермский регион как совокупность административно-территориальных единиц, которые располагались географически и по административному признаку в непосредственной близости, а также исторически и этнически были тесно связаны между собой.

¹ Malia M. What Is the Intelligentsia? – The Russian Intelligentsia. Ed. by R.Pipes. New York: Columbia Univ. Press, 1961. P. 1-18.

² Kocka J. Bürgertum im 19. Jahrhundert. Deutschland im europäischen Vergleich. München: IN-Press, 1988. P. 2-3.

развития СССР¹. Постановка исследовательской проблемы в СССР в период 1928-1930-е гг. обусловлена местом и значением преобразований, происходивших в различных сферах: индустриализация, модернизация, культурная революция, урбанизация и др. За короткий период в стране произошли кардинальные социальные, экономические и др. трансформации. Для данного десятилетия характерно предельное напряжение социальных сил общества, которое представляло собой сложно структурированную, многогранную и крайне противоречивую социальную систему. Именно в такие исторические моменты человек проявляет себя. Социальная история полагает, что обычный, рядовой человек достоин и должен стать объектом научного изучения.

Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма, системности и научной объективности, предполагающих необходимость глубокого анализа событий и фактов репрессивной политики 1930-х гг. Также использованы принцип объективности, системности, описательный метод и метод реконструкции

Применение метода сравнительного анализа в процессе изучения источников дает возможность выявить общее и особенное в региональном контексте рассматриваемого периода, учитывая конкретно-историческую обстановку, а также изучить природу исследуемых процессов и их причинно-следственные связи, обуславливающие и/или тормозящие развитие высшей школы.

Математические методы использованы для анализа социальной структуры и численности инженерно-технических кадров, студенчества, учительства, профессорско-преподавательских кадров. Анализ отдельных аспектов репрессивной политики осуществлялся с помощью биографического метода, изучение карательной политики через судьбы учителей, студентов, преподавателей способствовал определению личностного фактора в образовательном процессе.

Метод исторической антропологии позволил сфокусировать внимание на судьбе отдельного человека - интеллигента, который был включен в сложную цепь взаимоотношений советской действительности. Для этого метода характерен перенос акцента исследования с государственных институтов, экономических структур – на изучение взаимодействия людей в небольших группах. Вместе с тем, использование метода биографической реконструкции позволило, не ограничиваться изучением биографий отдельных представителей интеллигенции,

---

¹ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. М.: РОССПЭН, 1998. - 268; Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): Очерки социальной истории. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. - 455 с.; Исаев В.И., Тимошенко А.И. Условия и механизмы формирования «индустриального менталитета» строителей Урало-Кузнецкого комбината// Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2. С. 26-31.

выйти на уровень устойчивых микросоциальных общностей, как коллектив, научные кружки, круг друзей, семья, формирующих важные связи.

Социально-исторический подход способствовал объективной оценке документов местного и регионального уровня. Это материалы таких микросоциумов, как первичные партийные и комсомольские ячейки вузов, предприятий, школ и т.п.

Исследование деятельности партийных организаций и советских правоохранительных органов вызвало необходимость применения системного подхода, что определяется также сложным комплексом взаимоотношений органов НКВД с другими компонентами советской политической системы, а также субъектно-объектными отношениями интеллигенции и карательных органов.

Комплексное изучение рассматриваемой проблемы предполагает использование методов источниковедческого анализа и синтеза, основанных на изучении формы, структуры и содержания источников, выявлении особенностей их происхождения, оценке степени достоверности памятников, что позволит установить информационные возможности используемых документов, определить их значение для исследуемой проблемы. Для раскрытия задач, поставленных в исследовании, были применены культурологический и антропологический подходы: рассмотрение предмета исследования в рамках конкретной культурной ситуации и обращение к роли личности интеллигента в истории региона.

Данные методы позволили обеспечить объективный исторический подход к исследованию заявленной темы, сделать концептуальные заключения на основе всестороннего анализа недостаточно изученных событий и фактов.

Источниковая база исследования. Решение поставленных задач потребовало привлечения широкого круга неопубликованных и опубликованных документов и материалов, которые по происхождению и назначению можно разделить на следующие группы: 1) законодательные и нормативно-правовые акты; 2) произведения деятелей коммунистической партии и высших органов власти; 3) материалы партийных и советских органов; 4) архивно-следственные дела НКВД на лиц, обвиняемых в политических преступлениях; 5) электронная база данных жертв политических репрессий в Пермском крае «Репрессированные»; 6) периодические издания рассматриваемого периода; 7) нарративные источники.

Первая группа источников – законодательные и нормативно-правовые акты. К ним относятся партийно-государственные документы, указы, декреты, постановления, нормативные документы государственных органов различного уровня, где нашла отражение выработка и реализация политики партии по

отношению к интеллигенции в 1930 - е гг.¹. Данные документы создавались в недрах партии и выполняли, прежде всего, идеологическую роль. Анализ нормативно-правовой базы позволяет проследить формальное наличие гражданских прав и невозможность воспользоваться провозглашенными правами на практике; изучить официальное обоснование репрессии, основные этапы репрессивной политики в сфере образования и промышленности, специфику их применения в Пермском регионе в 1930-е гг.

Вторая группа источников - произведения деятелей коммунистической партии и высших органов власти СССР. В первую очередь следует обратить внимание на труды В.И. Ленина. Он внес наибольший вклад в разработку советской концепции интеллигенции. С одной стороны, подчеркивал объективную необходимость интеллигенции для современного общества, будь то общество капиталистическое или социалистическое, отмечая, что без интеллигенции немыслимо современное капиталистическое производство². С другой стороны, заметно недоверие Ленина к интеллигенции, подозрение в готовности перейти на сторону классового врага, поскольку она являлась «порождением капитализма, сынками барского и буржуазного общества, в котором кучка грабила народ и издевалась над народом...» и «неизбежно пропитана буржуазным мировоззрением и навыками»³. С данными характеристиками «организованные пролетарии-коммунисты должны непримиримо бороться»⁴.

Последнее в немалой степени заимствовал И.В. Сталин. Хотя в его работах место интеллигенции рассматривалось и в ином ракурсе. В отчетных докладах Центрального Комитета на XV, XVI, XVII партийных съездах И.В. Сталин уделил внимание кадрам высококвалифицированных специалистов в соответствии с задачами индустриализации. Обосновывая жизненную потребность СССР в высоких темпах индустриализации, он особо отметил необходимость разгрома взглядов идейных и политических противников, различных оппортунистов —

---

¹ Конституция РСФСР. М., Л.: ГИЗ, 1936; Уголовный кодекс РСФСР. С изменениями на 1 июля 1938 г. М.: ГИЗ, 1938; Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР от 1 июля 1922; Постановление Президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года; Постановление ЦИК и СНК Союза ССР «О всеобщем обязательном начальном обучении» от 14 августа 1930 г.; Циркуляр НКВД СССР от 12 августа 1930 г. «О порядке учета лиц, лишенных избирательных прав» и др.

² В.И. Ленин выделял интеллигенцию внеклассовую (русскую бессословную интеллигенцию), включая образованных людей, средний слой, разночинцев, новое среднее сословие (Ленин В.И. Задачи русских социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 454; Он же. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 485–488). Этот относительно целостный слой находится между классами, занимает – по его мнению - междуклассовое положение (Он же. Памяти графа Гейдена (Чему учат народ наши беспартийные «демократы»?). Июнь 1907 г. // Полн. собр. соч. Т. 16. С. 40). В тоже время В.И. Ленин говорил о необходимости сопоставления идей и программ интеллигенции с положением и интересами классов русского общества. Он полагал, что всякий класс буржуазного общества «вырабатывает свою собственную интеллигенцию: и берет себе также сторонников и из числа всех и всяких образованных людей...» (Он же. Революционный авантюризм // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 377-390).

³ Там же. Т. 35. С. 200; Т. 2. С. 85.

⁴ Там же. Т. 36. С. 290-291.

троцкистов, зиновьевцев, правых оппортунистов, буржуазных националистов, боровшихся против ленинской генеральной линии в строительстве социализма¹. Те же идеи можно найти в его работах «О правом уклоне в ВКП(б)» и «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)»².

О том же, собственно, говорили и писали его соратники. Ф. Э. Дзержинский, характеризуя политику индустриализации, особо рассматривал борьбу против троцкистов. Особенно характерна работа «Материалы к докладу о промышленности СССР на III съезде Советов СССР»³. В статьях и речах С.М. Кирова отражена борьба против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других оппортунистов⁴. Г.К. Орджоникидзе также постоянно останавливался на борьбе партии против правых элементов, в том числе в среде интеллигенции⁵. Характерно, что в трудах М. И. Калинина об укреплении союза рабочего класса и крестьянства, интеллигенции отводится второстепенная роль⁶.

Критический анализ этих произведений позволяет более точно определить истоки и содержание партийно-государственной политики по отношению к интеллигенции в изучаемый период.

Следующая группа источников - материалы партийных органов. Среди опубликованных документов: постановления, протоколы, стенограммы съездов, пленумов ЦК, переписка обкома с центральными партийными и государственными органами и др.⁷. В числе неопубликованных материалов исследовались архивные фонды местных партийных органов: Пермского горкома КПСС, райкомов, первичных парторганизаций и т.д. Данные источники позволяют получить целостную картину и установить влияние принимаемых решений на регионы, кадровую политику государства, в том числе в отношении интеллигенции. Они также содержат большое количество весьма точных и часто уникальных фактографических сведений. В то же время, наше отношение к интерпретации событий в этих документах должно быть предельно критическим:

---

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 304-309; Т. 11. С. 81-97, 157- 187, 188-206, 257-269; Т. 12. С. 1-92, 124-134, 141-172, 178-183, 191-199, 202-228, 274-316. 333-338; Т. 13. С. 48-49, 50, 188-206, 216-233, 317-346;

² Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1953. С. 545-573.

³ Дзержинский Ф.Э. Избранные статьи и речи. В 2-х т. М.: Госполитиздат, 1947. - 390 с.

⁴ Киров С.М. Избранные статьи и речи (1912-1934). М.: Госполитиздат, 1957. - 718 с.

⁵ Орджоникидзе С. О задачах тяжелой промышленности и стахановского движения. М., 1936. - 32 с.

⁶ Калинин М.И. О задачах советской интеллигенции. М.: ГИЗ, 1939. - 180 с.; Калинин М.И. О вопросах социалистической культуры. Сборник статей и речей 1925-1928 гг. Госполитиздат, 1938. - 271 с.

⁷ XVII съезд ВКП(б) Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1934; XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1939; Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании. М.; Л.: АПН РСФСР, 1947. - 768 с.; ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. 1941. С. 507-524; Обращение ЦК ВКП(б) ко всем партийным, хозяйственным, профсоюзным и комсомольским организациям. Соликамск: б/и, 1930. - 48 с.; Процесс «Промпартии» (25 ноября - 7 декабря 1930 г.): Стенограмма процесса и материалы, приобщенные к делу / Общ. ред. Иваненко Г.И. М.: ОГИЗ Сов. законодательство, 1931. - 544 с. и др.

идеологические соображения и стереотипы сознания обуславливали искажения в трактовках действительности.

Для разностороннего изучения предмета определенную ценность представляют периодические издания – журналы, центральные и областные газеты рассматриваемого периода¹. Наиболее информативны с точки зрения освещения деятельности местных парторганизаций газета «Звезда», многотиражные заводские газеты. Данная группа источников содержит значительную часть фактического материала. При этом нельзя забывать, что полнота, достоверность и точность передачи фактов более всего зависит от тех позиций, с которых они освещались, а издания советского периода проходили строгую политическую цензуру. Вместе с тем, в газетах как печатных органах центральных и местных партийных органов отражены механизмы воздействия власти на общество.

Особенность заключается в том, что данные источники в большей мере не отображали действительность, а формировали ее. Транслировали «правильные» идеи, определяли массовое сознание, модель поведения, внедряли в массы идеологические установки правящей партии².

Важнейшей составляющей источниковой базы исследования являются архивно-следственные дела, заведенные НКВД на лиц, обвиняемых в политических преступлениях. В двух изученных фондах Пермского государственного архива новейшей истории³ собраны разные по происхождению документы.

В первую очередь, это делопроизводственная и иная документация периода ведения следствия и судебного разбирательства: ордер на арест, обыск, арестный лист, анкету, протокол допроса, выписки из протокола о рассмотрении (пересмотре) дела по обвинению, характеристика на арестованного, постановление о принятии дела к производству, постановление о признании виновности или невиновности задержанного лица, заключение следователя с резолюцией начальника, заявление на пересмотр дела. В делах также встречаются меморандумы секретных сотрудников НКВД, сообщавших своему куратору о настроениях среди рабочих или об антисоветских высказываниях отдельных лиц (это не всегда касалось подследственных). Позже следственное дело пополнялось

---

¹ Березниковский рабочий; За кокс; Звезда; Известия; Культфронт Урала (Свердловск); Молотовский рабочий; Правда; Труд; Уральский рабочий.

² Волин Б. Интеллигенция советского народа // Под знаменем марксизма. 1938. № 10. Вольфсон С. Интеллигенция как общественная прослойка при капитализме и социализме // Под знаменем марксизма. 1939. № 1; Дацук Г. Проблема специалистов в СССР. Вопросы труда. 1929. № 12; Чернов Ф. Советская интеллигенция – интеллигенция нового типа // Под знаменем марксизма. 1938. № 2 и др.

³ Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 641/1 Архивные уголовные дела на лиц, реабилитированных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. и Закону РСФСР от 18 октября 1991 г.; Ф. 643/2 Архивные уголовные дела на лиц, снятых с оперативного учета в ИЦ УВД Пермского облисполкома.

документами, свидетельствовавшими о дальнейшей судьбе осужденного: перепиской родственников с органами НКВД (МГБ), документами о реабилитации, справками об арестованном, направляемыми администрацией исправительного учреждения по запросу органов НКВД и т.п. В делах также встречаются документы личного происхождения: свидетельства об образовании, фотокарточки, дневники и другие документы, изъятые при обыске.

Данная группа источников позволяет получить многоплановую информацию об образовательном, возрастном, социальном цензе репрессированных представителей интеллигенции, их политических взглядах, признании в научном мире. Наибольший интерес для нас представляют документы, которые дают возможность выявить род занятий обвиняемых и свидетелей, а также уровень образования и происхождение (указывалась сословная принадлежность или профессиональная деятельность главы семьи). Именно сведения биографического характера и личные документы, изъятые в ходе обыска, содержат важную и в большей степени достоверную информацию. Документы, формирующие личные дела граждан, уникальны по содержанию, они позволяют не только изучить социальные характеристики репрессированной интеллигенции, но и проследить внедрение на местах политических установок из центра, механизмы принятия решений по конкретным делам и их мотивацию, методы расследования политических преступлений и фальсификаций, судьбы представителей интеллигенции, пострадавших от террора.

Особое место среди источников занимает электронная база данных «Репрессированные». База данных включает в себя сведения о лицах, арестованных по политическим мотивам местными органами ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ в 1918-1980-х гг. (значительную часть записей представляют дела 1930-х гг.). Она составлена специалистами Пермского государственного архива новейшей истории и регионального отделения общества «Мемориал» при подготовке к изданию книг памяти «Года террора». В основу легли материалы архивно-следственных дел граждан, проживавших накануне ареста на территории Пермского региона. База данных содержит биографические данные (фамилия, имя, отчество, год и место рождения, место жительства, национальность, образование, место работы и должность на момент ареста), а также сведения об осуждении (дата ареста, когда, каким органом и по какой статье осужден, мера наказания, если ВМН - дата и место приведения приговора в исполнение) и реабилитации (когда, каким органом). Всего 58 полей.

Таким образом, база данных содержит вторичную, перенесенную из следственных дел информацию. Однако строгая систематизация этой информации и ее массив (в базу введены данные всех, хранящихся в архиве следственных дел – более 35 тысяч) позволяют рассматривать электронную базу

данных как особый, хотя и вторичный, источник, поскольку мы получаем возможность составлять группировки большого массива формализованных данных для последующего анализа.

В первую очередь, возможности электронной базы данных позволили осуществить выборку наиболее репрезентативных дел для углубленного изучения. Также были получены формализованные сведения о численности и составе арестованных и осужденных по политическим мотивам в 1930-е гг. на территории региона. Использование базы данных позволило подготовить выборки персоналий по заданным параметрам.

К нарративным источникам можно отнести источники личного происхождения: дневники и воспоминания, автобиографии, которые позволяют получить уникальные сведения многопланового характера: от отношения к политике партии, идеологии до повседневной жизни интеллигенции¹. При этом мемуарную литературу отличает неоднородность. Диаметрально противоположные оценки репрессивной политики дают в своих воспоминаниях деятели партии, репрессированные и члены их семей.

Привлеченная источниковая база, несмотря на неполноту и противоречивость данных, содержащихся в каждой отдельной группе источников, позволяет решить поставленные задачи. Использование широкого спектра исторических источников, многие из которых впервые введены в научный оборот, позволило комплексно, многосторонне осветить репрессии технической и педагогической интеллигенции региона в 1930-е гг.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем на региональном конкретно-историческом материале выявлены специфические характеристики репрессивной политики власти в отношении интеллигенции с учетом территориальных и социальных особенностей. Проблема рассматривается, как комплексное научное исследование, на основе изучения вопросов политических репрессий в Пермском регионе в период 1930-х гг. В работе делается попытка предельно конкретно представить репрессии технической и педагогической интеллигенции как составную часть политики тоталитарного государства в регионе. На основе источников исследованы процессы проведения политических

---

¹ Воспоминания о репрессиях в Пермской области в 1920-1970-х гг. Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Ч.6. Т.2. / Отв. за вып. Калих А.М. Пермь: Пушка, 2010. - 347 с.; Воспоминания о репрессиях в Пермской области в 1920-1970-х гг. Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Ч.6. Т.3. / Отв. за вып. Калих А.М. Пермь: Пушка, 2011. - 236 с.; Генкель М.А. Профессор В. В. Гиппиус в Перми // Страницы прошлого: избр. материалы краевед. Смышляев. чтений в Перми. Вып. 2. / сост. Т. И. Быстрых, А. Ф. Старовойтов. Пермь: ПОУБ. 1999. С. 51-58; Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Ч. 2: Воспоминания / Сост.: Суслов А., Гашева Н. Пермь: Звезда, 2000. - 272 с.; Дневник Н.В. Устрялова 1935-1937 гг. / Публ. И. Кондаковой // Источник. 1998. № 5/6. С. 3-100; Немцы в Прикамье. XX Век. Т. 2. Публицистика/ сост. Л.В. Масалкина. Пермь: Пушка, 2006. – 295 с.; Пермский университет в воспоминаниях современников. Пермь: Изд-во Перм. ун-т, 1991. - 96 с.; Пермский университет в воспоминаниях современников. Вып. 3. Пермь: Изд-во Перм. ун-т, 1996. - 102 с.; Тураев С.В. Пермь. Карла Маркса, 26. 30-е годы // Филолог. 2005. Вып. 6.; Устные рассказы уральских рабочих. Свердловск, 1953; Figes O. The Whisperers: Private Live in Stalin's Russia. London: Allen Lane, 2007. – 740 p.

репрессий в отношении интеллигенции в Пермском регионе, выявлены общие тенденции, характерные для всей страны, и региональная специфика. Выявлено изменение социальных характеристик региональной интеллигенции после завершения репрессий. Введены в научный оборот новые источники - архивные документы по истории политических репрессий, ранее не использовавшиеся в отечественных исторических исследованиях.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В результате политики советской власти в регионе качественные характеристики интеллигенции претерпели существенные изменения. Экстенсивный путь формирования интеллигенции негативно отразился на профессиональных компетенциях.

2. Инженерно-технические специалисты региона пострадали от репрессий в большей степени, нежели другие категории интеллигенции. На протяжении рассматриваемого десятилетия практически полностью сменился директорский корпус предприятий региона. Квалифицированных руководителей сменили лица без должного производственного опыта. В связи с этим периоды массовых репрессий 1930-х гг. сопровождались спадом в развитии промышленных отраслей.

3. Профессорско-преподавательские кадры вузов стали объектом репрессий, несмотря на отсутствие в регионе активной политической борьбы и открытого конфликта власти и научной интеллигенции, что объяснялось аполитичностью большей части научных работников. Репрессивная политика против ученых и руководящего состава вузов нанесла серьезный урон системе высшего профессионального образования и науки.

4. Политические репрессии в сфере школьного образования в регионе в 1930-е гг. привели к кардинальным переменам в кадровом составе образовательных учреждений, оказали отрицательное воздействие на дальнейший ход развития образования, поставив его под жесткий политический и идеологический контроль.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования содержащегося в ней материала, положений и выводов в научной работе (подготовка обобщающих трудов по политической истории региона, истории политических репрессий в российской провинции, по истории политических репрессий на Урале, истории органов НКВД, истории образовательных учреждений, предприятий), в учебно-методической работе (включение материалов диссертации в лекционные и специальные курсы, использование их при проведении семинарских занятий) и в просветительской деятельности (подготовка публикаций в СМИ, разработка экспозиций выставок и т.д.).

Апробация исследования. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры новой и новейшей истории России Пермского государственного педагогического университета.

Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в 22 публикациях, общим объемом около 3 п.л., в том числе 3 в ведущих рецензируемых научных отечественных изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Результаты исследования были представлены в виде докладов и обсуждались на региональных, всероссийских, международных конференциях, семинарах, летних школах в России и за рубежом (Украина, Белоруссия).

А также в рамках стажировки в 2009 г. в НОЦ «Истории и культуры Сибири» Тюменского государственного университета по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 1.4 «Развитие внутрироссийской мобильности научных и научно-педагогических кадров путем выполнения научных исследований молодыми учеными и преподавателями в научно-образовательных центрах».

Результаты исследования внедрены в учебный процесс – используются при изучении курса «История уголовно-исполнительной системы».

Структура диссертации обусловлена логикой исследования, а также его целью и задачами. Диссертация состоит из введения, двух глав, объединяющих 4 параграфа, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы, степень ее изученности, определены цель, задачи, хронологические и территориальные рамки, сформулированы методологические принципы, обозначены объект, предметы исследования, дана общая характеристика источниковой базы, научная новизна и практическая значимость.

Первая глава «Репрессивная политика советской власти в отношении технической интеллигенции» состоит из двух параграфов. В первом параграфе «Репрессии в отношении старых специалистов» характеризуются особенности проведения репрессивной политики в отношении дореволюционных инженерно-технических работников Пермского региона.

Выявлено, что специалисты, привлеченные по делу «Промпартии» возглавили промышленные предприятия региона: главный конструктор завода №19 А.Д. Швецов¹, директор Березниковской ТЭЦ В.А. Капеллер¹, инженер, будущий директор Пермского суперфосфатного завода и др.

---

¹ Швецов Аркадий Дмитриевич, 1892 – 1953 гг., советский конструктор авиационных двигателей, доктор технических наук (1940), генерал-лейтенант инженерно-технической службы (1948), Герой Социалистического Труда (1942). Окончил Пермское реальное Алексеевское училище. В 1921 г. Московское техническое училище. Обвиняемый по делу «Промпартии». Конструктора до суда вызволил начальник Института Авиационного

Подсчитано, что в соответствии со Сталинскими расстрельными спискам было арестовано 230 специалистов технического профиля, из них 178 человек с высшим и средним специальным образованием; 14 руководителей предприятий (в т.ч. руководители Свердловь, металлургического завода, топливно-энергетических станций региона и др.), 39 высококвалифицированных инженеров². В большей степени пострадали сотрудники предприятий горнодобывающей, металлургической отрасли, а также сельского хозяйства и транспорта.

Обращено внимание на репрессивную политику в отношении инженерно-технических работников – подданных иностранных государств.

Отмечается двойственное положение старых инженерно-технических работников региона: высокий технический уровень специалистов устраивал власть, но коммунистам профессиональной квалификации было недостаточно, им нужно было воспитывать качества личности социалистического типа для реализации задач пятилеток.

Сделан вывод о том, что дореволюционная техническая интеллигенция внесла весомый вклад в развитие промышленности региона, одновременно став объектом пристального внимания тоталитарной власти, превратилась в потенциальную жертву правящего режима.

Во втором параграфе «Политика власти по отношению к новой интеллигенции» опровергается вывод советских исследователей о том, что единственным способом формирования новой интеллигенции была политика выдвиженчества³. Установлено, что к концу 1930-х гг. в Пермском регионе удалось создать систему подготовки советских инженерно-технических работников путем открытия политехнического института, а также развертывания сети средних специальных учебных заведений, профкурсов. Констатируется, что на протяжении десятилетия в регионе происходил процесс нарастания политических репрессий новых инженерно-технических специалистов. Рассмотрены биографии арестованных – типичных выдвиженцев. В главе проанализировано количество репрессированной технической интеллигенции по социальному положению, уровню образования, сферам производства, дате ареста, статье обвинения, мере пресечения и др. параметрам. Сделан вывод о том, что в

Моторостроения И.И. Побережский. С 1934 г. главный конструктор авиадвигательного завода № 19 в г. Перми. - Сеничкин Г., Черемных Н., Творец первых советских авиационных моторов воздушного охлаждения // Вестник воздушного флота. 1948. № 7.

¹ Капеллер Вильгельм Александрович, урож. Грузинской ССР, немец, б/п, служащий, образование высшее. Арестован 25 апреля 1937 г. по ст. 58-7, 11, 2 августа 1937 г. решением Военной коллегии Верховного Суда СССР расстрелян. ПермГИАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14836. Л. 18, 20.

² ПермГИАНИ Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12078, 13678.

³ Андреюк Г.П. Выдвиженчество и его роль в формировании интеллигенции. 1921-1932 гг. // Из истории советской интеллигенции. М., 1966. С. 12 - 21.

ходе репрессии на территории региона старые технические специалисты пострадали в большей степени, нежели выдвиженцы. Аресты специалистов привели к снижению производственных показателей. Репрессии инженерно-технических кадров способствовали дезорганизации промышленного производства, сельского хозяйства и других отраслей, замедляли темпы экономического развития, лишали руководителей предприятий возможности мыслить творчески, создавали негативный фон страха и незащищенности.

Во второй главе «Репрессии интеллигенции в сфере образования» акцентируется внимание на том, что репрессии осложнили процесс развития высшей и средней школы¹.

В первом параграфе «Репрессивная политика в высшей школе» рассмотрена эволюция методов воздействия на ученых: увольнения ученых и членов их семей с работы, исключение из партии и общественных организаций, травля в прессе, общественное порицание и публичное осуждение со стороны парторганизации и коллег по работе, арест и уголовное наказание. Репрессии вузовской интеллигенции в Пермском регионе в целом соответствовали политике, проводимой в центре. Местные органы НКВД, стремились с одной стороны оперативно выполнять решения сверху (как, например, обвинение декана педологического факультета пединститута в рамках реализации постановления ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов»). С другой стороны, выявить региональных участников столичных процессов. Пример тому - дело профессоров А.Ф. Тюлина и В.В. Никитина - о причастности вузовских работников к делу «Трудовой крестьянской партии», арест профессора Д.С. Епишина по делу «Промпартии», профессора В.М. Здравомыслова в причастности к «Организации микробиологов».

В тоже время, можно выделить ряд особенностей. Репрессии сотрудников и студентов чаще всего не были взаимосвязаны. Так, аресты ученых преобладали в пединституте, максимальное количество привлеченных к уголовной ответственности студентов отмечается в мединституте. Обращено внимание на то, что на протяжении рассматриваемого периода менялся характер репрессий.

К 1940 г. уголовные репрессии в высшей школе региона прекратились. Но система контроля сохранялась. Репрессивная политика государства в высших учебных заведениях в регионе в 1930-е гг. уничтожила профессуру с дореволюционным образованием и стажем работы. Превращение науки в арену идеологической борьбы, направленной против плодотворно работавших ученых, привело к массовой замене профессионально грамотных научных кадров высших

---

¹ Семенов С.В. Политические репрессии в высших учебных заведениях Южного Урала в 30-е годы XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). История. Вып. 31. С. 84-93.

учебных заведениях менее квалифицированными работниками, многие из которых не имели представлений об исследовательской работе.

Власть, выстраивая в 1930-е гг. в целом жесткую модель отношений с вузовской интеллигенцией, пыталась, вместе с тем, проводить в этой сфере относительно гибкую политику, не только подавляя профессорско-преподавательский состав через механизм репрессий, но и привлекая его к социалистическому строительству через систему поощрений. Таким образом, действуя в соответствии с известным принципом сочетания «кнута и пряника», советская власть в целом добилась оформления лояльной вузовской интеллигенции.

Во втором параграфе рассматривается учительство как объект репрессий в регионе. Отмечается, что развитие советской школы 1930-х гг. было связано с политизацией, огосударствлением, идеологизацией. В образовательной сфере не удалось избежать деформаций в разработке и реализации школьной политики. Общественная деятельность педагога противопоставлялась учебным задачам. Учитель находился в сложном положении, от него требовалась трансляция знаний, в том числе, марксистско-ленинской теории, воспитание учащихся в большевистском духе, который он сам еще в достаточной мере не усвоил. По нашим подсчетам, в 1930-е гг. на заседаниях Пермского горкома вопросы о партийно-воспитательной работе среди учительства поднимались гораздо чаще, чем обсуждение проблем обеспечения и организации учебно-образовательного процесса¹.

Выявлено, что аресты учителей в регионе по политическим мотивам не всегда были связаны с профессиональной деятельностью. Отношение к педагогам было потребительским, их использовали в хозяйственно-политических кампаниях, хлебозаготовках, агитаторской работе. Безразличие к пропагандистской работе не свидетельствовало о политической нелояльности учителей (хотя именно так оно нередко оценивалось властями). Стремление части преподавателей уклониться от общественных дел, вероятно, было вызвано осознанием отрицательного воздействия общественных нагрузок на профессиональную деятельность. В то же время учителя оказывались основным объектом для проведения политики репрессии в деревне в отношении интеллигенции, в ряде дел они значатся организаторами, руководителями, которые вербовали малограмотное население. **А политическая активность несколько повышала риск попадания в жернова репрессивной машины.**

---

¹ ПермГАНИ. Ф. 1. Оп.1.

Относительно бескровный опыт советизации учительства до середины 30-х гг. XX в. демонстрирует возможность использования отработанных методов политической пропаганды и профессиональной переподготовки в работе с интеллигенцией, в том числе и с учителями, без какой-либо угрозы ослабления власти партийно-советской элиты. Использование средневековых методов «охоты на ведьм» и репрессивной мощи карательных органов совсем не диктовалось обстановкой. Тем не менее, политическое руководство сделало ставку на своеобразную социальную инженерию, рассчитывая пресечь в зародыше какую-либо оппозиционность.

Неоднозначные отношения педагогической интеллигенции и партийно-государственного аппарата имел определенные результаты. В условиях тоталитарного политического режима это проявлялось в идеологизации учебно-воспитательного процесса, нарушении гражданских прав, репрессиях. Аресты педагогов во многом оказали негативное влияние, выступили тормозом развития качественного образования.

В заключении подведены основные итоги исследования, сделаны обобщения. Среди арестованных в Пермском регионе были руководители разных уровней: директора предприятий, вузов, школ, заместители по направлениям, инженерно-технические специалисты, мастера заводов, учителя, преподаватели вузов, студенты. Выявлено, что по политическим статьям было репрессировано 32 человека из числа профессорско-преподавательского состава вузов, а также более 200 сотрудников и студентов, 346 учителей школ, 38 представителей художественной интеллигенции, более 4 000 технических специалистов, занятых в промышленном производстве и аграрной отрасли¹. Количественные характеристики приведены в приложении.

Сделан вывод о том, что служащие, (76% арестованных служащих составляла интеллигенция), пострадали от репрессии в большей степени, нежели другие общественные группы².

Проанализирована динамика репрессивной политики власти в отношении интеллигенции в регионе: в период 1928-1932 гг. объектом репрессий были представители старой интеллигенции, с высоким профессиональным уровнем.

К середине 1930-х гг. наряду с арестами, методом чистки стало увольнение неугодных сотрудников.

Для 1937-1938 гг. характерны массовые репрессии административно-руководящих кадров и выдвиженцев, а также выдворение из страны иностранных граждан - технических специалистов. Снижается возрастной ценз – репрессии коснулись и тех, кто получил высшее образование после 1917 г., изменяется

---

¹ Подсчитано по электронной базе данных «Репрессированные».

² Там же.

национальный состав обвиняемых. Наказание становится более жестким – треть обвиняемых были расстреляны. К уголовной ответственности в этот период привлекались лица с партбилетом – 39% от общего числа арестованных, что свидетельствует об изменении социального состава в коллективах и новых тенденциях кадровой политики.

Помимо увольнений активно внедрялся иной административный метод воздействия на сотрудников - исключение из партии. Это позволяет сделать вывод о том, что к концу десятилетия формируются институты внутреннего контроля и наказания (не уголовного).

Сложившаяся в этот период система управления, имея в своем распоряжении огромный аппарат различных ведомств, сумела мобилизовать, и умело использовать для форсированной модернизации страны, имеющиеся интеллектуальные и финансовые ресурсы. Данная система, при всех своих недостатках, была способна к резким прорывам в области науки в крайне сжатые сроки, однако не способствовала долговременному поступательному развитию научной сферы.

Таким образом, в соответствии с имевшимися директивами ЦК ВКП(б), прямыми указаниями И.В.Сталина, органы НКВД активизировали свою деятельность по вскрытию и ликвидации «контрреволюционных» организаций и борьбе с «врагами» и «вредителями». В целом отношения между дореволюционными работниками умственного труда и советской властью характеризовались неприязнью и недоверием, поэтому возникла необходимость формирования новой социалистической интеллигенции. В 1930-е гг. в регионе произошло значительное увеличение технической и педагогической интеллигенции, наряду со снижением квалификационного уровня и изменением социального состава специалистов. Осужденные работники умственного труда исчислялись тысячами, но даже те представители интеллигенции, кто не попал в застенки НКВД, зачастую становились заложниками режима: невозможность заниматься профессиональной деятельностью, боязнь высказывать собственное мнение, попрание человеческих прав и свобод.

Массовые политические репрессии в 1930-е гг. были важнейшим механизмом регулирования жизни государства. Они стали завершающим этапом сталинской революции «сверху». Индустриализация была возможна только при наличии и введении в действие репрессий. Репрессивный механизм оставался необходимым в СССР и после его перехода к социалистической экономике. В частности, он перераспределял рабочую силу в нужных государству направлениях и отраслях. Человеческие жертвы, экономические и культурные последствия «большого террора» невосполнимы. Политические репрессии причинили колоссальный вред, уничтожив ученых, педагогов, инженерно-

технических специалистов, руководителей разного уровня. Репрессии интеллигенции 1930-х гг. нанесли неизмеримый урон историческому развитию региона и страны в целом, который продолжает ощущаться и сегодня.

Основные положения и научные результаты диссертационного исследования изложены в следующих работах:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК Минобрнауки России:

1. Шилова И.С. К вопросу о фальсификации дел в отношении интеллигенции в 1930-е гг. (по материалам Пермского архива новейшей истории) // В мире научных открытий (Гуманитарные и общественные науки). Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. №4(16) С. 145-153.
2. Шилова И.С. Политика власти по отношению к новой технической интеллигенции в 1930 - е гг. (по материалам Пермского края) // Вестник Поморского университета (Гуманитарные и социальные науки). Архангельск, 2011. № 7. С. 75-89.
3. Суслов А.Б., Шилова И.С. Борьба с «педологическими извращениями» в провинциальном вузе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7. С. 209—211

Публикации в других изданиях:

1. Шилова И.С. Большой террор 1937-1938 гг. в отношении технических специалистов // 1937 год. Память и уроки. Матер. межрег. науч.-практич. конф. Тюмень, 2007. С. 91 -94.
2. Шилова И.С. Большой террор и интеллигенция в Пермском крае // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 7. Томск, 2007. С. 78-89.
3. Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий. / Под ред. А.Б. Суслова; Сост. в т.ч. Шилова И.С. Пермь, 2008. Часть 5. Т. 2.
4. Шилова И.С. Дело профессора Захарова // Матер. IV-й Всерос. науч. конф. Тюмень, 2009. С. 126-128.
5. Шилова И.С. Дело Сребницкого // Дни науки исторического факультета Киевского национального университета. Вып. 3. Ч. 2. Киев, 2009. С. 115-118.
6. Шилова И.С. Индустриализация на Урале (к вопросу о репрессиях технических специалистов) // Политические репрессии в судьбах технической интеллигенции России. Матер. Всерос. науч. конф. Самара, 2009. С. 129-136.
7. Шилова И.С. К вопросу о коми-пермяцком литературном языке // Строгановские чтения. Пермь, 2009. С.78-81.

8. «Когда мы были молодые...»: Документальная диалогия. Кн. 1 «Пермские целинники. 1954–1964 гг.»/ Отв. ред. Т.И. Демиденко; Сост. в т.ч. Шилова И.С. Пермь: «Пушка», 2009. - 272 с.
9. Шилова И.С. Неистовства истории и судьба буржуазного интеллигента: Жизнь и судьба профессора В. Э. Крусмана // Родовое сознание и духовное предпринимательство. Матер. Междунар. науч.-практич. конф. Пермь, 2002. С. 72-79.
10. Шилова И.С. Пермская городская библиотека им. Горького в 1931-1932 гг. // XI-е Смышляевские чтения. Пермь, 2009. С. 220-222.
11. Шилова И.С. Пермский государственный университет в годы первой пятилетки // Матер. II междунар. науч.-практич. конф. Пенза, 2009. С.101-109.
12. Шилова И.С. Пермский педагогический институт в годы «Большого террора» // Проблемы массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «антикулацкой» операции НКВД СССР. Матер. V-й Всерос. науч. конф. Краснодар, 2008. С. 120-127.
13. Шилова И.С. Пермский период И.П. Вороницына // Россия и россияне: особенности цивилизации. Матер. междунар. конф., посвященной 80-летию АЛТИ-АГТУ. Архангельск, 2009. С. 261-263.
14. Шилова И.С. Расстрельный приказ № 00447 // Гуманитарно-пенитенциарный вестник. Специальный выпуск к 130-летию УИС. Рязань, 2009. С. 199-202.
15. Шилова И.С. Репрессированные тюменцы //Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития. Тюмень, 2009. С. 28-32.
16. Шилова И.С. С новой жизни // Грибушинские чтения – 2009. Тез. 7-й межрег. науч.-практич. конф. Кунгур, 2009. С. 258-260.
17. Шилова И.С. Следователь назвал мое дело «фантастическим» // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Матер. VI-й Междунар. науч. конф. Краснодар, 2010. С. 385-394.
18. Шилова И.С. Творческие пути писателей Урала (1930-е годы) // Бостонский «Мемориал». Матер. 4-й Конф. Бостон, 2009. С. 32-38.
19. Шилова И.С. Техническая интеллигенция Урала в годы первых пятилеток // Диалог культур и цивилизаций. Матер. X-й Всерос. науч. конф. молодых историков. Тобольск, 2009. С. 111-113.